

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ



## НЕПРИКАЯННЫЕ ДУШИ

РАССКАЗ

Непроглядный, промозглый, осенний вечер, темень и мрак вокруг. Даже в бесконечном небе царствует тревожная мгла. Где-то высоко-высоко, за толстым слоем толкающих друг друга в бока облаков прячется огромная луна, но ее холодный, ленивый свет не в силах дотянуться до земли. Осень — хмурая в основном пора...

Душа Олега Филиппова в мертвенной тиши плывет над необозримой черной тканью тайги, неспешно приближаясь к знакомому селу. До него еще далеко. Ни дорог внизу, ни жилья, только деревья угрюмо шепчут: “Не ходи сюда, сгинешь...” В аккурат над шумящими сосновыми кронами летит душа, внимательно смотрит вниз, чтобы не пропустить в крошечной тьме маленькую речушку. Она тонюсеньким ручейком берет свое начало где-то в таежных болотах и дальше извилистой змейкой тянется сквозь труднопроходимую чащу, чтобы потом, преодолев все преграды, стать частью величавой Вычегды. В том месте, где они сливаются, стоит село, в котором жил Олег.

Через некоторое время, по едва уловимым признакам, его душа услышала движение воды. Значит, до села осталось примерно шесть километров. Ох и богаты же на грибы и ягоды эти места! Черники родится столько, что снеговистый человек за пару часов пестерь набирает, а о волнушках с груздями и говорить нечего. Во влажной низине их каждый год вырастает столько, что

---

*УЛЬЯНОВ Александр Васильевич родился 9 сентября 1953 года в селе Усть-Кулом Коми АССР. Окончил коми отделение филологического факультета Коми пединститута. Работал корреспондентом газеты “Красное знамя”, редактором газеты “Коми му”, заместителем редактора журнала “Войвы кодзув”, директором Коми книжного издательства. Ныне работает директором холдинга “Редакция газеты “Коми му”. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.*

хоть лопатой гребти. Только вот люди в эти места заходят редко, а если уж идут, то в солнечную погоду. Боится народ этих мест, и не зря боится. Стоит солнцу скрыться за облаками, как тут же, словно по чьей-то злой воле, лес меняется и становится опасным. Он начинает кружить и путать несчастного пришельца, незаметно отнимая его разум. Кричать и звать на помощь бесполезно — звуки умирают, не успев набрать силу, не прощаясь, растворяются среди зловещих деревьев.

Бесшумной невидимкой подлетала к окраине родного села душа, совсем немного осталось до дома...

...Странный выдался вечер. Как раз в это же время откуда-то из-за вычегодской старицы, со стороны болота Длинного, летела в направлении села еще одна душа. Раньше она жила в молодом парне по имени Анатолий. Достигнув Вычегды, чтобы не заплутать в темноте, она спустилась к воде и продолжала свой путь параллельно течению.

Две души двигались навстречу друг другу, не подозревая об этом.

Вот на небольшом холме проявились расплывчатые очертания рыбацкого домика Ивана Петрова. На фоне сосновых стволов он был похож на какой-то черный узелок, непонятно как прилепившийся над водой. Спит рыбак. От его домика совсем недалеко до села. Старица здесь большим крюком огибает сосновый бор и потом впадает в Вычегду. А село стоит на высоком крутом берегу и, если добираться к нему по реке, появляется всегда внезапно. Внизу, вдоль берега, ждущие своих хозяев, а поднимешь голову — и как на ладони: аккуратные дома, глаза окон, бани, сараи, изгороди и белая, подпирающая небеса церковь. Сказка да и только... А в остальном — обычное для коми земли село. Вольготно разлеглось оно вдоль берега почти на пять километров. Если с одного конца к другому идти — умаешься.

Дом Анатолия Федорова, когда смотришь вниз по течению реки, стоит в самом конце села. После ранней смерти отца жили они вчетвером: мама, Анатолий, средняя сестра и младший братишка. Отец погиб совсем молодым как-то буднично и очень нелепо — попал под бревно при разборке старого дома. Толя стоял тогда у отцовского гроба и никак не мог успокоиться от сотрясавших его рыданий. Страшное отчаяние пульсировало в его детской голове. Хоть и мал был, но точно знал, что отец больше никогда не встанет и не прокатит его с ветерком на санках, что положат его в глубокую яму и забросают толстым слоем земли так же, как когда-то бабушку, что потом, засыпав землей, поставят на могиле крест и оставят отца лежать на погосте совсем одного. А жизнь пойдет своим чередом: будет разливать в половодье и снова цепенеть от морозов Вычегда, будут облетать и снова зеленеть деревья, солнце будет радовать своим щедрым теплом, а дожди — поливать землю. И когда совсем невмоготу от печали, отец сможет его утешить, лишь глядя с фотокарточки на стене: “Не унывай, сынок, я недалеко от тебя, я совсем рядом, каждый миг я рядом с тобой...”

...Возле сельской окраины, там, где обрывалось сплошное таежное покрывало, темное небо слегка развиднелось. Речушка шириной в пять шагов отделяла душу Олега Филиппова от знакомых мест. На другом берегу и природа другая. Вместо вековых сосен на холме раскинулась березовая роща. Стройные деревья шелестели листьями там, где некогда были колхозные поля, на которых в свое время трудились его дед с бабушкой. Теперь ни пшеницы, ни ржи, ни льна, ни конопля не выращивали, да и колхоза давно в помине не было.

Скоро сквозь рваные облачные клубки показались контуры скотного двора и сельской пилорамы. Все здесь знакомо и мило. Один двор еще совсем новый, а два других хоть и постарше, но простоят под шиферными крышами еще долго. Во все постройки подаются вода и электричество, внутри чистота, работать одно удовольствие. Рядом, в нескольких шагах, пилорама. Сколько же времени он здесь провел? Всю жизнь почти и провел... Копылся с утра до позднего вечера: убирал навоз, стелил опилки, чистил загоны. Вся черная работа была его. И вообще, с любой работой справлялся, что

скажут, бывало, то и делает безотказно. И за теленком присмотреть, мог и корову подоить, да мало ли работы на ферме, никогда всю не переделаешь. Пока жива была мама, раз в день бегал домой обедать, благо жил он недалеко. После ее смерти тоже ходил домой, но больше по привычке. Обедал на скорую руку: прополощет рот сладким чаем, хлебом с маслом закусит — и снова на работу. Изредка супчиком мясным себя баловал, когда из-за какой-нибудь напасти скотину приходилось резать. А они, напасти, случались всякие: то проволоку зажует животина, то гвоздем подавится или просто хворь подцепит. Тогда деваться некуда — ножом по горлу и в расход. С разрешения начальства, конечно.

Так и жил Олег год за годом, пока однажды не пришла в его село ослепительной красоты осень...

Груздей в тот год выросло — тьма-тьмущая, хоть с лопатой и носилками в тайгу за ними иди. Грузди эти Олега и угробили. Кабы наперед знать, что так оно все обернется, остался бы дома, глядишь, и по сей день живым-здоровым скотные дворы обихаживал. Но тогда будто кто-то невидимый подталкивал его в бок и шептал: “Сходи, Олег, за грибами, вон их сколько уродилось. В другой раз столько не будет. Сходи”. Волшебство какое-то. Вот, значит, и сходил...

Между тем, приблизившись к строениям, его душа изумленно заметила, что в самый разгар вечерней дойки не слышно привычного мычания и ни единого огонька не мерцает в окнах коровника. “Может, свет отключили?” Такое на его веку случалось. Бывало, часами приходилось сидеть в ожидании электричества. На такие случаи в укромном углу у Олега всегда были припасены свечи: не в потемках же навоз грести, в самом деле. Непроглядная темень поселилась на скотном дворе, безлюдно и тихо вокруг. Странно все это...

...Невысоко над водой парила душа Анатолия Федорова. Обогнув черный лес, плавно вышла к сельской околице. Еще чуть-чуть и со всех сторон развиднелись редкие маленькие звездочки — огоньки в окнах домов. От церкви до его дома рукой подать, через мгновение ладный, улыбающийся всеми своими окнами пятистенок возник из вечерних сумерек. Рядышком баня и сарай, возле огорода — небольшая березовая рощица, что посадили еще в детстве с сестрой и младшим братишкой. Как выросли и окрепли деревья! Под самой крышей перешептываются между собой листья. О чем? Быть может, о времени, что вечно не знает покоя...

Всего двадцать один год прожил Анатолий на белом свете. Короткая получилась жизнь, как заячий хвост. Оглянешься на прошлое, а вспомнить-то особо и нечего. После смерти отца остался он в семье старшим мужчиной, главным маминим помощником. В то время они скотину держали, а их луга стояли за рекой. За лето по сто раз приходилось мотаться туда и обратно — тяжелою для подростка, но и без корма скотине нельзя... Что еще? Окончил школу, потом забрали в армию. Служить довелось на другом конце земли, на дальневосточной погранзаставе. Добрыми были эти два года, повезло Анатолию с сослуживцами. Жили на маленькой заставе сплоченной семьей, помогали друг другу, чем могли, оттого и не съедала, особенно в первый солдатский год, жгучая тоска по родному дому.

Многому он научился в армии и физически здорово окреп. Когда домой вернулся, младший братишка, обняв его, хотел приподнять над полом, но силенок не хватило:

— Ну, брат, ты как пень могучий к земле прирос, не оторвать, — восхищенно обошел вокруг него, обнял за широкие плечи и закрыл глаза, словно все еще не мог поверить, что перед ним стоит его старший брат.

А мама, увидев его в дембельской парадной форме, от неожиданности на мгновение лишилась сил, а потом, обнимая, долго не могла унять радостных слез. Это было осенью, а следующей весной...

В разгар половодья Вычегда становится опасной, это всем известно. Какой бес его потянул на реку в эту пору? Не зря же говорят: голова одна — ее беречь надо, другой головы не вырастет. Не сберег он своей головы. Мама ведь с детства учила ничего и никого в жизни не бояться, вот и вырос

парень смельчаком: и в огонь и в воду. А тут еще такой повод — День пограничника. Выпили немного в компании и решили проветриться на речном просторе. Еще в детстве Анатолий слышал от старших парней шутку, что, мол, если суждено утонуть, то лучше в Вычегде, а не в какой-нибудь грязной дуде. Оказалось, что как раз для него поговорка. Не на чужой стороне его смерть нашла, а рядом с домом. На всю жизнь оставил Анатолий своим близким неизбывную душевную боль. Искали тело не один день всем селом, даже водолазов приглашали, но крепка хватка у полноводной реки, утатила на самое дно и засунула человека под какую-то корягу, забрала себе без возврата. Медленно потекли годы с той страшной весны. Вот уже и десять лет минуло, а человек будто и не рождался, и не жил на земле...

...Душа Олега Филиппова, облетев сумрачные постройки скотного двора, не стала проникать внутрь, отложив встречу на завтрашний день. Отгнав смутную тревогу, отправилась к родному дому, что стоял неподалеку. Живут ли в нем люди? А если живут, то кто они? Десять лет минуло с тех пор, как он не вернулся из леса. За это время многое изменилось, а почему-то кажется, что только вчера нечистая сила потащила его за груздями.

По правде говоря, когда стало ясно, что с Олегом стряслась в тайге беда, его особо и не искали. Некому было искать. Старший брат, Иван, болезненный с детских лет, прямо так и сказал: “Здоровья нет, какой от меня прок в поисках?” Дали объявление в районной газете, и все. А что с объявления толку? Кто в глухой тайге шастать будет? Другое дело, если при чинах да при званиях человек пропал, тогда шерстили бы окрестности, под каждый куст бы заглядывали, а так... Бобыля, у которого ни семьи, ни детей и, кроме заплатанных штанов, никакого богатства, и искать-то вроде бы незачем. Смешно вспомнить, в последний свой день рождения впервые в жизни подарил он себе белую рубашку. Пару дней праздновал и о рубашке как-то позабыл, а когда очухался, уже и на работу пора было бежать. На скотном-то дворе в белой рубахе не разгуляешься. Так и осталась она, одна-одинешенька, ни разу не надетой.

На ферме его ценили. Доярки нахвалиться не могли, когда работал от души, ну а когда запивал... Придут, бывало, к нему домой, поорут сначала для порядка, а потом по-хорошему просят: родимый, пропадаем без тебя! А Олег как будто только и ждет этих уважительных слов: сразу в себя приходит, безропотно собирает и, свесив тяжелую похмельную голову, бредет к своим коровкам. Знает, что у пьянки конца и края нет, а скотина ждать не может, за ней каждый день уход нужен, и молчаливо впрягается до следующего загула.

Олег никогда не видел своего отца. Родитель его вернулся с войны без одной ноги, весь израненный, и жил потом совсем недолго. Маме одной пришлось поднимать двоих сыновей. Старший брат, Иван, после окончания школы ушел работать в соседний лесопункт на нижний склад. Там и жену себе нашел. Долгое время работал трактористом, пока за пьяное дело не перевели его в сучкорубы. Вязал плоты, одно время ходил в кладовщиках, а потом и на пенсию вышел. Жили они бездетно в собственном доме, который помог старшему брату срубить в свое время Олег, а сам он, словно так и положено, остался жить в родительской избе вместе с матерью.

Шли годы. Хорошо жилось сыну под заботливым материнским крылом. Вся женская работа была на ней: и стирала, и убирала, и готовила, и баню топила. Что еще одинокому мужику надо? Благодать! Изредка мать заводила речь о женитьбе, мол, пора бы уже и семьей обзаводиться, молодую хозяйку в дом привести, но каждый раз сын отшучивался:

— Меня, мам, бабы боятся. Рожа кривая, нос длинный, ростом маленький. Кому я такой нужен?

Неизменно, будто бы сын упрекал ее за то, что по ее вине он таким уродился, мать сердилась и обиженно отвечала:

— Иди, не ври давай! Иван вон от тебя недалеко ушел, а уже двадцать лет женатым ходит. Дом построил.

— Пускай. У каждого своя жизнь. Может быть, моя жена еще в школе учится, — улыбался прокуренными желтыми зубами Олег.

Каждый раз после таких разговоров мать обреченно махала рукой и шла ставить самовар или занимала себя какой-нибудь необязательной работой, лишь бы не дать волю своему огорчению и не разругаться с непутевым сыном. Со временем тема женитьбы в доме перестала обсуждаться совсем. Не зря говорят, что если мужчина до тридцати лет не женился, то с каждым годом все труднее ему найти невесту: привыкает мужик к холостой жизни и поводок ему ни к чему. Но Олег никого и не думал искать. В молодости девушек он почему-то сторонился, да и они к нему, по правде сказать, не очень-то и льнули, а потом, когда стал работать скотником, вообще старался не обращать внимания на женский пол. Носатый, плюгавенький, с зальсиной, вечно ссутулившись, шлепая в огромных резиновых сапогах, пропахший насквозь табаком и навозом, ну кому он такой нужен?

Сорок лет ему исполнилось, когда неожиданно умерла мама. Всего-то пару дней и пролежала на печке, жалуясь на сильный озноб. Такое и раньше с ней случалось, поэтому Олег даже врача не вызывал — в надежде, что болезнь вот-вот отступит. Но вышло по-другому. Мамы не стало ранним утром. Перед кончиной она из последних сил что-то хотела сказать сыну, но вместо слов лишь глубоко вздохнула и испустила дух. Остался Олег один, и через некоторое время поселилась в его большом доме тоска. Придет с работы — и перемолвиться не с кем. Снимет провонявшую навозом рубаху, а постирать ее некому. Суп не сварен, картошка не почищена, печь не топлена, воды нет. Постепенно он стал забывать о бане, о нормальной еде и порядке в доме. Все чаще, возвращаясь с работы, он покупал бутылку на вечер и, закусывая ее содержимое кислой капустой, на время отгонял от себя грусть-печаль. После поллитровки и в непротопленной избе спалось нормально. А утром, едва затеплится рассвет, ополоснув лицо ледяной водой, закуривал папироску и спешил на работу. Вкальвал за троих, словно себе в наказание за вчерашний “винный грех”. Доярки видели, как тяжело мужику одному, старались ненавязчиво подкормить Олега, приглашая к себе за общий стол во время перерывов, под предлогом попить чайку...

Незаметно, вспоминая прошлую жизнь, душа Олега прилетела к родному двору. Вот их старенькая, покосившаяся банька, огород, калитка открыта настежь. Но что это? В доме горит свет.

...Душа Анатолия добралась до места. Ничего не изменилось в селе с тех пор, как он вместе с приятелем и двумя знакомыми девушками оттолкнул лодку от берега. Двоих из компании успеют вытащить из воды рыбаки, девушку по имени Люба найдут через два дня: течение вынесет ее тело на отмель за селом, а Анатолий будто растворится в воде. Долго еще сельские бабы, вспоминая этот горький случай, будут шептаться, что не иначе как водяной утащил молодого парня и назад его уже не отдаст. Мать Анатолия, конечно же, понимала, что надо смириться, что чудо вряд ли произойдет, но в душе, несмотря ни на что, все-таки не теряла надежды похоронить сына человечески.

Свет не горел, и, только приблизившись к дому вплотную, стало понятно, что окна заколочены и внутри никого нет. Судя по густо заросшему сорняками огороду, люди покинули жилище несколько лет назад.

Последний раз душа Анатолия навевдалась домой через год после трагедии. Тогда дом еще был живым и все вокруг было в относительном порядке. Хотя какой тут порядок, если мама Анатолия ежедневно горько плакала и просила Бога, чтобы помог отыскать сыночка. Что же теперь стряслось? Может быть, мама решила перебраться поближе к родным братьям и сестрам? Может быть, заболела? Целых десять лет не заворачивала его душа в родные края, столько воды утекло... А с другой стороны, нелегко навещать родную землю, зная о том, сколько боли ты оставил на ней после себя.

Про него, конечно, судачили. Одни жалели, что не успел познать парень, да еще и остался непохороненным: ни холмика могильного на сельском погосте, ни креста. Другие осуждали его: ладно бы по пьянке только себя угробил, но ведь и родной матери жизнь укоротил своей хмельной удалью. Что тут скажешь? Разлитую воду обратно не соберешь.

С крыльца через дверную щель душа проникла в коридор, а оттуда зашла в комнату. Ей, бесплотной, двери и замки не преграда. В пространстве между небом и землей она вольной воли вольнее. Захочет — взмоет высоко-высоко за облака, в небесную бездну, или среди людей жить станет никем не замеченная. А как ее заметишь, если она на другом свете живет? Сколько еще лет так болтаться? Неужели покуда не отпустит его косточки из своих объятий могучая сосна, что давным-давно свалилась на дно реки во время половодья? Одному Богу известно.

Прохладно в пустом доме. Темнота пропахла сыростью и заброшенностью. Страшный кавардак вокруг: перевернутый стол, повсюду разбросана посуда, рваные тряпки, вещи, поломанные стулья грудой валяются в красном углу, там, где раньше висели иконы. Какие-то нелюди выбили стекла в окне, что смотрело на Вычегду, как раз с самой незаметной от дороги стороны. Скорее всего, местные постарались. Что же такое на свете-то творится? Никогда на селе не было, чтобы в чужой, пускай и заколоченный, дом без спросу вламывались, воровали и поганили. У родных, когда домой приедут и такой разор увидят, сердце остановится.

Никогда не узнает душа, что сестра вышла замуж и живет в другом поселке, а младший брат уехал в город и работает там строителем, что приезжают брат с сестрой в родной дом раз в год, в середине лета, на пару недель повидаться друг с другом и отдохнуть на берегу Вычегды, а потом на целый долгий год оставляют дом в одиночестве. А он безропотно остается ждать их следующего приезда и, как ветхий дед, каждый день беззащитно выглядывает подслеповатыми глазами по сторонам. И еще: не знает душа самого главного, что мама давно лежит на сельском кладбище.

Неодолимая грусть охватила душу Анатолия. Наверное, надо было немедленно улететь прочь из этих мест и не возвращаться сюда никогда более, на веки вечные поселившись в каком-нибудь камне, не беречь себя пустыми воспоминаниями. Или, наоборот, войти в дерево, что растет напротив, и много-много лет быть рядом с домом, в родном селе. Смятенная душа поднялась на холодную печь и, как-то разом устав от тягостных раздумий, задремала.

...В доме Олега Филиппова и впрямь горел свет. “Видать, старший брат пустил каких-то постояльцев или же вообще дом продал, — гадала душа, глядя со стороны дороги на окна. — Ну, это и к лучшему, что кто-то из местных в моем доме поселился. За огородом посмотрят, и вообще, дом без людей не дом”. На мгновение душе Олега показалось, что от света в знакомых окнах стало как-то теплее, будто приглашал этот свет зайти пропавшего странника в дом отдохнуть после долгих скитаний. Невольно вспомнилась совсем другая картина, когда через год с небольшим после его последнего похода за грибами душа навестила родные края, но тогда эта встреча принесла лишь огорчение и скорбь. Заколоченный дом, здоровенный замок на двери, поросший сорняками огород — умела бы душа плакать... В тот раз она не стала заходить внутрь. Обошла двор, посидела на лавочке и улетела обратно в тайгу, поклявшись в отчаянии, что больше сюда не вернется. Но отчаяние — плохой советчик, вернулась вот...

В доме громко разговаривали. Душа примостилась на подоконнике, но занавески не давали разглядеть собеседников. Через едва заметную щель в раме душа проникла внутрь и расположилась на полатях.

В компании с разными тряпками, несколькими парами валенок, стареньким треухом, рукавицами, вывернутым наизнанку полушубком, фуфайкой, свернутыми домоткаными дорожками и прочим добром было тепло и уютно. В доме ничего особенно не поменялось. Та же мебель, прежняя утварь, только появилась печка-буржуйка, которая сейчас, накалившись докрасна, бойко потрескивала дровами.

За столом сидели двое и о чем-то оживленно говорили. Старший собеседник, что сидел спиной к окну, был узан сразу — мамин брат, дядя Володя, он же — Трактор. Еще в бытность работы в колхозе трактористом прилепилось к нему это прозвище. Да и внешне он на трактор весьма походил — сам огромный, лицо и руки в копоты. Заметно постарел Трактор с тех пор,

осунулся, но даже теперь было заметно, что силушка у него еще осталась, а голос и вовсе не изменился — такой же твердый и громкий. В клубах сизого табачного дыма Трактор, пьяно размахивая руками, стучал ладонью по столу и нетерпеливо обращался к свесившему голову, сидящему напротив мужику лет сорока:

— Помолчи, Николай, не я эту сегодняшнюю дурацкую жизнь затеял. В наше время все по-другому было.

Мужчина, тяжело подняв кудрявую голову, не очень внятно, но рьяно сказал:

— Тогда, сам знаешь, в селе работа кипела! Жизнь кипела! — снова уронил голову, но скоро опять встрепенулся, глубоко вздохнув, продолжил. — Эх, елки-палки, весь скот, отец, понимаешь, весь скот, даже телят, забили и увезли. На скотном дворе ветер гуляет, а мы все без работы сидим. Выбросили нас на снег в чем мать родила и без копейки денег. Как жить, отец?

— Да ты что? А когда скотину-то забили? Я и не слышал ничего! Во дела... Скотины нет, картошку не сажают, что же это на селе делается?

— Месяц назад забили. Теперь мы — пролетариат, ничего у нас нет, даже щелей... Конец пришел селу.

— Надо ж, хоть смеяся, хоть плачь, — процедил Трактор сквозь зубы, глубоко затянувшись и наполнил стопки. — А кто в этом виноват, что до такой жизни дошли, я, что ли? — он приподнялся и ударил себя в грудь мощным кулаком: — Я всю жизнь в колхозе отпахал, без поясицы остался, пока на железном коне гарцевал, чтобы вас, сопляков, вырастить-выучить, на ноги поставить, людьми сделать. И, выходит, напрасно мы с матерью горбатились. Враз люди неприкаянными стали, никому не нужными, брошенными. Куда катимся-то? Кому верить?

Теперь стало понятно, сидели за столом родственники — отец с сыном. Олег немного знал про Николая. После школы Николай не уехал из села, пару лет поработал грузчиком в сельском магазине, а когда сельпо развалилось, пошел по его стопам, в скотники.

Так вот почему не горел свет на скотном дворе! Раз такое дело, действительно, селу приходит конец. При таком раскладе очень скоро от крепких еще строений фермы останутся одни стены. Безработные сельчане растащат все, что можно унести, и никто их за это не осудит. Как будто буря пронеслась над селом, перевернув с ног на голову весь уклад жизни.

Трактор еще долго растерянно стоял возле стола. Тяжела была его жизнь: застал он и голодное военное лихолетье, и нужду, и тяжкий труд в колхозе — думал, что хоть в старости поживет безмятежно, радуясь внукам. Видать, не судьба. Получается так, что им, старикам, еще повезло, они хоть пенсию получают, а куда молодым деваться? Сын остался без работы, сноха за копейки моет полы в школе, а у них дочь-семиклассница подрастает, ее кормить и одевать надо. Вчера сноха с внучкой в райцентр уехали к родственникам, хорошо, хоть эту попойку не видят. Жалко Кольку, сорок лет мужику, в самой силе, а работы нет. Соседний леспромхоз развалился, от совхоза одно название осталось, ушли люди, захирела в районе жизнь.

— Плесни, батя, давай еще накатим, — сказал Николай, подняв тяжелую хмельную голову.

— Плесну, плесну, — оживился Трактор и налил до самых краев. — Пусть немного на душе просветлеет.

Отец с сыном чокнулись, залпом опрокинули стопки, синхронно занюхали черным хлебом и закурили. Сизый густой дым пополз к потолку. Они снова начали разговаривать, но не слыша друг друга. Теперь их речь с каждой минутой все больше походила на бессвязный горячечный бред больного человека.

“Как слепые мухи, — подумала душа Олега. — Не знают, куда лететь. Пожужжат, пожужжат и замолкнут”.

Они и в самом деле скоро осоловели.

...Душа Анатолия Федорова пробудилась вместе с забрезжившим рассветом. Грустно и тягостно в холодном брошенном доме. К прежней невеселой

картине добавилась еще одна деталь — слой пыли толщиной в палец покрывал предметы, уцелевшие после визита непрошенных гостей. Душа переместилась к столу, что стоял около разбитого окна. Прощаясь, вспомнила в одно мгновение все, что связывало ее с домом, в котором прошла короткая земная жизнь, и вылетела, слившись воедино с осенним воздухом. Взглянув сверху на село, она взяла курс на кладбище, навестить родные могилы и, быть может, проститься с ними навсегда.

С высоты птичьего полета душа глядела на почерневшие от воды дома, что молчаливо жались к земле, привычно и потому безропотно ожидая следующих подарков от затянувшейся непогоды. Ни света в них, ни дыма из печных труб, только неистовый ветер носится по главной улице, завывая уныло, словно в предчувствии беды.

Красивое место выбрали предки для сельского кладбища — сосновый бор. Могучие деревья день и ночь охраняют покой ушедших земляков, убаюкивая тихим шорохом вечнозеленых крон.

Рассвело. Душа Анатолия легко отыскала кресты на могилах бабушки и деда. Недалеко от них лежал отец. Приблизившись к его могиле, она увидела, что рядом с отцовским крестом стоит новый. “Ракина Раиса Федоровна” и даты рождения и смерти. Так вот оно что!. Мама прожила после его смерти всего пять лет. Наверное, бедная, извела себя ежедневным, ежеминутным ожиданием. Выплакала свою жизнь, так и не заглушив боль потери. Мама умерла, а у брата с сестрой, видно, своя жизнь. Поэтому пусто и бесприютно в беззащитном доме.

Душа еще долго грустила над родительскими могилами. Если бы по-хорошему, то рядом должен был быть и его холмик. А то вроде как и не рождался человек, не жил на белом свете. Ну что ж... Хватит сидеть-горевать, земные дела сделаны, пора улетать в дальние дали...

...Казалось, что на какой-то миг задремала душа Олега, а между тем ночь уже закончилась. Ох и хорошо спится на теплых полатях! Трактор в одежде валялся на кровати, его сын примостился на лавке. Оба громко храпели. В доме горел свет. На грязном столе вперемешку с пустыми склянками от спиртовой суррогатной гадости валялись куски хлеба, окурки, миска с кислой капустой, луковые головки. Тут же вспомнила душа, как в бытность земную после попок с собутыльниками частенько приходилось наводить наутро порядок в доме.

Душа еще некоторое время побывла в помещении и, дождавшись рассвета, отправилась в путь по знакомой дороге. По ней Олег год за годом ходил на работу и возвращался домой. По ней он последний раз в жизни отправился за грибами...

...Часа через два хождений по лесу небо вдруг резко потемнело, и пошел моросящий, надоедливый дождь. Очень скоро вымокший до нитки Олег понял, что заблудился. Беда не приходит одна. Он наступил на сучок и через подошву до крови порезал ступню. После этого силы покинули его окончательно. Почти в изнеможении Олег заполз под раскидистую ель и прислонился спиной к мощному стволу. На какое-то время провалился в забытие, в котором разговаривал с мамой и братом, видел свой дом. Уже совсем стемнело, когда невыносимо заболело сердце. Не сдерживая стонов, он хватал руками землю, а потом начал задыхаться. Все произошло очень быстро: два раза глубоко вздохнув, он затих. Со стороны можно было подумать, что человек, набрав корзинку груздей, ненадолго прилег отдохнуть перед обратной дорогой. Только вот некому, кроме угрюмых деревьев, было взглянуть со стороны...

...Пролетев над растущим почти до основания скотным двором, душа добралась до соснового бора. После всего увиденного ей хотелось лишь побывать на материнской могиле и, попросившись, оставить эти места. За десять лет кладбище заметно выросло. Кресты стояли даже вдоль дороги.

На материнскую могилку давно никто не заглядывал. Покосившаяся оградка, калитка на одной петле, облупившаяся краска, заросший холм — снова привели душу в уныние. По всему выходит, что только он при жизни ухаживал за материнским последним приютом. Моросящий дождь то оста-



навливался, то начинался снова, душа Олега сидела на маленькой скамеечке рядом с небольшим поминальным столиком. Когда-то он смастерил их сам. Видать, сегодня даже на этой тихой могиле не суждено было душе обрести умиротворение и покой. Все ее раздражало и злило: уничтоженный скотный двор, пьяные жильцы в его доме, позабытая могила мамы, нынешнее сельское жите-бытье и даже этот занудливый дождь. В тот момент, когда душа Олега решительно собралась лететь, вдруг, через несколько могил от себя, она неожиданно увидела другую душу.

Наверное, такое случается не часто, когда две неприкаянные, пропавшие души встречаются вот так, ранним утром на кладбище. Они не знали друг друга в земной жизни: по возрасту слишком разные, да и жили в разных концах села. Первым заговорила душа Олега:

— Мы с тобой никогда раньше не виделись, но вижу я, что ты из нашего села. Не Анатолием тебя звали?

— А ты откуда знаешь? Ты-то кто? Что-то не признаю никак...

— Олег Филиппов. Я скотником на ферме работал. Про тебя доярки наши рассказывали, что, мол, утонул парень на День пограничника, так тело и не смогли найти.

— Да. Десять лет назад. Мы на моторке катались и перевернулись на волне.

— А я в тот год в тайгу пошел за грибами. Будто леший меня за руку тащил. А там дождь начался, я и заплутал. Так под елью и остался сидеть, сердце прихватило. Про меня все еще злые языки чешут: “Филиппов-то Олег до сих пор грибы собирает”. А ты что здесь делаешь?

— На отцову могилу приходил, смотрю, а тут уже и мама рядом лежит.

— И я на маминой могилке чуть-чуть передохнуть решил, но вот что увидел. Все травой поросло, запущено-то как... А я ведь здесь все своими руками делал...

— А у нас вот дом пропадает. Скоро совсем сгниет без хозяев. Дальше-то что думаешь делать?

— Не знаю еще. Может, улечу куда-нибудь в даль несусветную, а может, здесь останусь. Войду в какой-нибудь камень или в дерево и буду возле своего села жить. Вдруг время придет и чем-нибудь землякам помочь получится, кто его знает?..

— А как помочь собираешься?

— Да почему мне знать?

...Так поговорили и расстались на кладбище две души: старая и молодая. Одна, минуя скотный двор, ушла в тайгу, а другая устремилась в сторону Вычегды. Но путешествовали недолго. Какая-то неведомая сила развернула их, и, не сговариваясь, души стремительно полетели обратно, к домам, что стояли на крутом речном берегу. Они возвращались, чтобы остаться. Будто и не пропадали никуда вовсе...

А может быть, и вправду не пропадали? Может быть, это был невеселый сон о нашей жизни...

*Перевод с коми Игоря Вавилова*